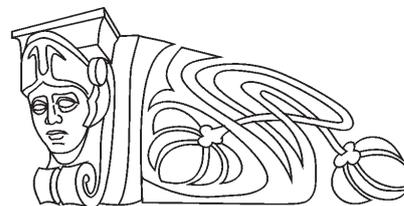

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 463–466
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 463–466
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-463-466>, EDN: BVSHCS

Научная статья
УДК 821.161.1.09-3|20|+929

«Личная география» как автодокумент (на материале современной русской прозы)

И. В. Некрасова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67

Некрасова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Nekrasova-iv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6706-5912>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные для сегодняшнего этапа литературного процесса понятия «автодокумент» («эго-документ»), соединение художественного и документального, «личная география». Основная цель этого исследования – показать на примере новейших произведений русской прозы важность географических адресов (понимаемых как пространственные ориентиры) для движения сюжета, а также в качестве смыслопорождающего компонента не только документальных, но и собственно художественных текстов. В качестве объекта анализа используются сборники, объединившие разных авторов в рамках общей проблематики, и произведения крупной формы, в частности роман Е. Чижовой «Город, написанный по памяти». Все эти тексты родственны в плане использования односубъектного повествования, в котором концептированный автор и герой (часто он и биографический автор) практически неразделимы. При этом судьбы, истории персонажей строятся в рамках движения их «личной» географии, а конкретные адреса становятся не только и не столько документальным компонентом, сколько продвигающим сюжет моментом. На фоне подлинных координат меняются поведение героев и восприятие ими окружающего мира. Личные истории в сборнике «В Питере жить» определяются индивидуальными маршрутами, мощным литературным и общекультурным контекстом, в рамках которых участь, удел персонажа предопределяется именно конкретными адресами и координатами. В статье делается вывод о становлении заметной авторской стратегии, при использовании которой взаимопроникновение документального и художественного начал в литературных текстах определяется именно «личной географией».

Ключевые слова: «личная география», автодокумент, новейшая проза, односубъектное повествование, авторская стратегия, контекст

Для цитирования: Некрасова И. В. «Личная география» как автодокумент (на материале современной русской прозы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 463–466. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-463-466>, EDN: BVSHCS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Personal geography” as an auto-document (Based on the material of the modern Russian prose)

I. V. Nekrasova

Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxima Gorkogo St., Samara 443099, Russia

Irina V. Nekrasova, Nekrasova-iv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6706-5912>

Abstract. The article deals with the concepts of auto-document (ego-document), the combination of the artistic and documentary, “personal geography”, which are relevant for the current stage of the literary process. The main purpose of this study is to show, using the example of the latest works of Russian prose, the importance of geographical addresses (understood as spatial landmarks) for the movement of the plot, as well as being a meaning-generating component not only of documentary, but also of artistic texts themselves. As an object of analysis, collections are used that have united different authors within the framework of a common problem, and works of long form, in particular, the novel by E. Chizhova “The City written from memory”. All these texts are related in terms of using a single-subject narrative, in which the author and the hero are conceptualized (often he is also a biographical author) and practically inseparable. At the same time, the destinies and stories of the characters are built within the framework of the movement of their “personal” geography, and specific addresses become not only and not so much a documentary component, as a moment that promotes the plot. Against the background of authentic coordinates and routes, the behavior of the characters and their perception of the surrounding world change. Personal stories in the collection “To live in St. Petersburg” are determined by individual routes, a powerful literary and general cultural context, within which the fate of the character is predetermined by specific addresses and coordinates. The article draws a conclusion about the formation of a noticeable author’s strategy, using which the interpenetration of documentary and artistic principles in literary texts is determined precisely by “personal geography”.

Keywords: “personal geography”, auto-document, latest prose, single-subject narratives, author’s strategy, context

For citation: Nekrasova I. V. “Personal geography” as an auto-document (Based on the material of the modern Russian prose). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 463–466 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-463-466>, EDN: BVSHCS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В сегодняшнем литературоведении наблюдается некоторая путаница в применении терминов «эго-документ» («я» свидетельствую о себе – Луцевич) и «автодокумент». Не вступая в теоретическую дискуссию по этому поводу в рамках сегодняшнего сообщения, мы будем использовать обозначенные слова как синонимические понятия. Наша цель в данном случае – обратить внимание на интересное явление в современной русской литературе, которое мы обозначаем словосочетанием «личная география». Заметим, что оно найдено нами в рассказе Елены Колиной «Это Питер, детка!» [1, с. 89] и стало основой дальнейших рассуждений об особенностях пространственных координат и ориентиров в широких рамках документальных, автобиографических и сходных произведений.

«Своя, личная география» у многих современных авторов становится «документальным началом» (в терминологии Елены Местергази) [2], примиряющим «безнадежно слепое», по выражению Петра Палиевского [3], деление литературы на fiction и non-fiction. Практически все произведения, о которых пойдет речь в этом исследовании, представляют собой односубъектные повествования. В них неразделимы автор и герой, словно путешественники в границах личного пространства, облачают в литературную форму именно географические ориентиры, становящиеся автодокументами.

Вводя рабочее понятие «личная (своя, собственная) география», мы подразумеваем использование в художественных текстах конкретных пространственных координат с целью сюжетообразования, а также проявления документального начала.

Тенденция к восприятию географических реалий в качестве основы художественного (или же публицистического) текста очевидна. Во многих современных произведениях выстраивается такой путь: художественная мысль, вытекающая из факта, – факт, соотносимый с конкретно обозначенным пространством, – наконец, создание новой художественной реальности в связке с личной географией. Обратимся к конкретным примерам художественного перевода пространства в текст, используя уникальность Петербурга – города, воспринимаемого нашей культурой и как самостоятельный текст, и как отлаженный механизм порождения других текстов.

Роман Елены Чижовой, петербурженки в четвертом поколении, «Город, написанный по памяти» [4] основан на двух типах документальных свидетельств, помогающих движению сюжета. Во-первых, это фотографии. Некоторые расположены непосредственно в тексте, другие подробно описаны автором. Во-вторых, геогра-

фические ориентиры и адреса. Перед нами, бесспорно, семейная хроника, сотканная из лиц и из нитей петербургских улиц, каналов, площадей.

Истории практически всех значимых персонажей романа соотносимы с определенной адресной точкой в пространстве. Движение сюжета так и строится – по конкретным местам.

Важно для Е. Чижовой, что отец проживал на улице Декабристов, что «затактом» ее жизни стал переезд родителей именно на Театральную. География квартир помогает автору-герою выстроить свой мир: «Как в детстве на Театральной площади, моя жизнь на улице Союза Связи опоясывалась решетками рек и каналов. По одной грани – Нева, по другой – Мойка, между ними – сравнительно короткий канал Круштейна, от которого берет начало другой канал, мой родной Крюков...» [4, с. 223].

Восприятие героиней семейных адресов становится характеристикой несходных форм бытия, по сути, двух разных укладов жизни. В дальнейшем повествовании будет определен формат этих отличий: соседи, планировка квартир, их интерьер, разные игры.

Наконец, правила жизни. Например, у бабушки было принято переобуваться и переодеваться в нарядные платья; у бабушки героине читали сказки, а дома она делала это сама.

Различались и звуки в разных квартирах: если в квартире бабушки было радио с наушниками, то дома постоянно гремела «тарелка» на кухне; у бабушки в ее самостоятельной «домовой церкви» гости пели тихими и светлыми голосами, а в квартире на Красноармейской плясали, громко топая ногами, пели песни из фильмов.

География, таким образом, предопределяет поведение героев и восприятие ими окружающего мира. Шестилетний ребенок четко понимает, что у него есть две отдельные жизни – в квартире бабушки и в квартире мамы, и эти два мира никак не могут пересечься.

И только пространство репрессий 1937–1938 гг. оказывается общим, уравнивает два дома, два мира: «За стенами, в городе творится что-то *неладное*. Носится в воздухе, крадется по лестницам, срывает чугунные крюки. Что-то, о чем взрослые молчат: и здесь, на Забалканском, и там, на 1-й Красноармейской. *Неладное* творится втайне, в мертвой тишине» [4, с. 83].

В романе есть и «зловещие адреса», объединившие множество людских историй: «Когда читаешь “Ленинградский мартиролог” (имя за именем, словно каждое – ступень, по которым ты спускаешься в энкавэдэшные подвалы), сотни тысяч отдельных судеб смыкаются в одну “большую судьбу”. Начало она берет в “Доме на Литейном” – быть может, поэтому его и зовут

“Большим” <...> В ленинградском травмированном сознании именно “Дом на Литейном” тлеет зловещим символом» [4, с. 93].

Вслед за Владимиром Николаевичем Топоровым, давшим блестящую сравнительную характеристику многочисленных «петербургско-московских» текстов [5], Е. Чижова в «Городе, написанном по памяти» соотносит две российские столицы в приложении к частным судьбам своих предков.

Например, с точки зрения «большой истории» жизнь ее прабабушки состоялась только потому, что она в самом начале XX в. не уехала вслед за братом в Питер, а решила попытаться счастья в Москве. Координаты именно «личной географии» прабабушки определяют семейную тайну, связанную с графом (не Тверская губерния, а Саратов; не Херсонская губерния, а известные питерские подвалы). Ленинградская личная география прабабушки во многом подтверждает ее судьбу: «Ведь должна же она была, вернувшись из первой в своей жизни эвакуации, сходить на Английский проспект. Поговорить по старой памяти с *ихним* дворником. <...> Сперва по Забалканскому до Фонтанки, потом по набережной и дальше, перейдя Английский мостик, в сторону Пряжки <...> отсюда до графского дома уже рукой подать» [4, с. 54].

Именно география помогла автору-рассказчику понять трагедию судьбы деда в годы Великой Отечественной: родители могли сказать, что он погиб под Ленинградом. Но правда в том, что погиб он «в Мозыре», а это – если углубляться в детали – означает страшное: «Накануне отправки в гетто он и ещё несколько таких же дряхлых старцев <...> заперлись в его доме и, не прерывая громких молитв, совершили <...> акт саможжения» [4, с. 35].

Автор приводит скупой арифметический факт, что практически все ушедшие на фронт летом 1941 г. мальчики погибли, и в квартире после войны мужчин не осталось. «Большим мальчикам» из дворовой компании, гулявшей на шести улицах Ленинграда (их с точностью перечисляет Чижова), была уготована участь погибшего поколения.

Таким образом, параметры точных географических координат в романе Елены Чижовой «Город, написанный по памяти» многочисленны, а их функции сводятся преимущественно к сюжетообразующим, выстраивающим судьбы персонажей.

С разницей в три года выходят сборники «Москва. Место встречи» [6] и «В Питере жить» [7]. Сходные по архитектонике, по редакторскому замыслу, эти книги, мне кажется, все же принципиально различаются. В московском

сборнике, безусловно, проявлена «интимность» пространственных впечатлений [8]. Но в целом собственно московский текст здесь остается именно топографическим ориентиром, дополненным и временными координатами.

По-иному воспринимаются новеллы книги «В Питере жить». Это в полной мере «личные истории» (так написано в анонсе), когда «личная география» формирует и литературный контекст, и абсолютно индивидуальный, собственный маршрут, в котором география становится судьбой.

В рассказе Валерия Попова путешествие автора по «своим местам» предопределяет возможность воспоминаний, сравнений двух столиц: «Но все равно – город воспитывает людей. В Москве – толпа, а у нас – променада <...> Дойдешь до Дворцовой, вдохнешь воздух с Невы – и любой стресс проходит!» [9, с. 365]

Евгения Водолазкина его личная питерская география перемещает из жизни в литературу: «В дом на Ждановской залетала ко мне еще одна птица, но о ней я рассказал в романе “Соловьев и Ларионов”» [10, с. 107]. Ждановская набережная – важная собственно филологическая деталь: она упомянута в «Аэлите» А. Толстого, здесь жили Н. Чернышевский и Ф. Сологуб. А также и сам Жданов, который «художественных произведений не писал, но опубликованный им в 1946 г. текст оказал на литературный процесс существенное влияние (имеется в виду доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». – И. Н.)» [10, с. 110].

Для Александра Кушнера конкретное географическое пространство влечет за собой поэтические ассоциации, и его личной географией становятся Таврический сад и Крым, без которых он не может представить великую русскую поэзию [11].

У другого автора, актрисы Елизаветы Боярской, восприятие ее родного города происходило через литературу. Здесь парадный Петербург, возникший из строф «Евгения Онегина». «Фатальный», запечатленный в «Пиковой даме». Мрачный Петербург Достоевского, что «справа от Сенной» [12, с. 475]. Именно петербургская география познакомила Боярскую с городом Ахматовой, Мандельштама, Блока, Бродского, Довлатова.

Так, проявляется иная тенденция, мы назовем ее «личной литературной географией»: собственно литература влияет на географическое пространство, становящееся деталью художественного мира.

Авторы сборника «В Питере жить...» выстраивают свой личный маршрут. Для Елены Чижовой ее «Дворовые уроки истории» стано-

вятся своеобразной репетицией к упомянутому в этой работе роману «Город, написанный по памяти». Отправной точкой личной географии писателя становится «жизнь, прожитая там, где родился, – долгий спектакль в одних декорациях» [13, с. 205]. Елена Колина свою «личную географию» называет «микроскопической <...> если от дома моего детства на Садовой пройти к моему взрослому дому на Рубинштейна <...> за восемнадцать минут можно дойти» [1, с. 90].

Уникально сопоставление личных маршрутов художника и писателя Эдуарда Кочергина. Он сравнивает питерскую географию «тогда» и «сейчас» [14].

Наконец, личная география воспринимается и как судьба. Об этом писала Е. Чижова, об этом же – рассказы Ксении Букши «Проспект Стачек» [15], Павла Крусанова «Центр новый, незатопляемый» [16]. Крусанов признает, что документальность, правдивость собственно пространственных впечатлений порождает *одухотворение*.

Борис Пиотровский, вся профессиональная жизнь которого связана с личной географией Эрмитажа, идет по пути одухотворения этого архитектурного и культурного объекта. Эрмитаж у него говорит, высказывает свое мнение; *сам* выбирает, кто ему нужен. «Эрмитаж уж точно имеет право сказать нам: «подойдите ко мне»» [17, с. 480].

Итак, «личная география» становится заметным авторским приемом. В локальных текстах, ставших своеобразным автодокументом, она выполняет функцию взаимопроникновения, сращивания собственно документального и художественного начал. Отрадно, что это единение обнаруживает важный вектор движения современной русской литературы.

Список литературы

1. Колина Е. «Это Питер, детка!» // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 89–102.
2. Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. М. : Флинта ; Наука, 2006. 160 с.
3. Палиевский П. В. Художественность документа // Литературная учеба. 2009. № 1. С. 198–199.
4. Чижова Е. Город, написанный по памяти. М. : АСТ, 2019. 315 с.
5. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
6. Москва. Место встречи / сост. Е. Шубина, А. Шлыкова. М. : АСТ, 2016. 512 с.
7. В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. 524 с.
8. Улицкая Л. Моя Москва: сороковые–шестидесятые // Москва. Место встречи / сост. Е. Шубина, А. Шлыкова. М. : АСТ, 2016. С. 11–20.
9. Попов В. Мои места // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 357–366.
10. Водолазкин Е. Ждановская набережная между литературой и жизнью // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 103–116.
11. Кушнер. А. Таврический сад // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 317–328.
12. Боярская Е. В Питере – жить! // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 469–476.
13. Чижова Е. Дворовые уроки истории // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 205–232.
14. Кочергин Э. Царский ужин (питерские бывания) // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 503–512.
15. Букша К. Проспект Стачек // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 425–434.
16. Крусанов П. Центр новый, незатопляемый // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 445–458.
17. Пиотровский Б. Мой Эрмитаж // В Питере жить: от Дворянской до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории : сб. / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М. : АСТ, 2019. С. 477–482.

Поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 01.09.2022
The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 01.09.2022